

ЗАВТРА ВСЬ МИР ОТМЕЧАЕТ 150-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ДРАМАТУРГА А. Н. ОСТРОВСКОГО



ИЗГОНИМ ЖЕ ПОСЛЕДНЕГО СТУЖИ СЛЕД ИЗ НАШИХ ДУШ И ОБРАТИМСЯ К СОЛНЦУ!

Строки эти могут показаться неожиданными, не характерными для сурового обличителя «темного царства» А. Н. Островского. Но именно они, строки «Снегурочки», выражают устремленность творчества, художническую позицию великого драматурга...

В 40-х годах минувшего столетия в московском Малом театре, или, как называли его, доме Щепкина, нередко можно было встретить ясноглазого молодого человека, не пропускавшего ни одной премьеры. Преклоняясь перед талантом Щепкина, Мочалова, П. Садовского, он, Островский, понимал: пьесы недостойны своих исполнителей. Пустые воевали, слащавые мелодрамы, ложно-исторические драмы, провалившиеся «царь-батюшка», господствовали на сцене. «У нас нет русского театра, — писал Островский, — это оскорбляет наше патриотическое чувство». Театральная цензура, терзавшая пушкинского «Бориса Годунова», не пропускавшая «Маскарад» Лермонтова, принимала произведения, лишенные правды жизни. Будущий драматург хорошо знал эту горестную правду.

С детства наблюдал он картины жизни в родном Замосиноречье. Навсегда запомнил самодовольных владельцев купеческих кондов, особняков и обитателей «улицы — великих чиновников, разорившихся ремесленников — «одичалых, бессловесных, грязных». Один из таких затравленных и униженных встал со страниц первого произведения Островского: «Поканите меня публике, Поканите, какой я гордый, какой я несчастный... Поканите меня во всем безобразии, да скажите им, что я такой же человек, как они, что у меня сердце доброе, душа теплая». Были у молодого Островского и другие впечатления, зовущие к творчеству. Летом 1848 года в пути по Волге он сделал запись: «Каждый пригород, каждая сосна, каждый изгиб реки — очаровательны. Каждая мужичья физиономия значительна, и все это идет исти, идет творческого духа. Все здесь вопиет о воспринятии».

Островский избрал драматургическую форму воспринятия жизни, так как полагал: «драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы».

Однако полностью посвятить себя творчеству, театру начинающему драматургу долго не удавалось. Пришлось окупаться в «передатки» чиновничьей службы, а писать урывками, отрывая время у сна, лишая себя отдыха. И тем не менее главным оставалось творчество, одухотворенное нравственно-эстетическим идеалом: «Красота, правда, закон». «Закон» означал для Островского, никогда не помышлявшего о революционном преобразовании общества, справедливое равенство всех перед властью. Но именно эта власть считала драматурга неблагонадежным. В 1850 году за пьесу «Свои лю-

ди — сочтемся», он был отдан под негласный надзор полиции и уволен со службы. С этого времени постановке пьес Островского всячески препятствовала дирекция императорских театров. Цензура преследовала его произведения. Реакционная критика высмеивала его «мужичьи пьесы». Нужда царил в его большой семье. И все-таки драматург никогда не изменял своим убеждениям, своим художническим принципам.

Жизнь Островского, несмотря

на терние и Кабанихе. Истории Кулигина, Кудряша, Варвары, Бориса разрушали традиционное единство действия и вместе с тем превращали семейную драму в социальную, в обобщение нравов и устоев всего «темного царства».

Основной конфликт, в котором построены произведения Островского, — это непримиримый конфликт светлых умов, горячих сердец и доброты с тупостью, жестокостью, насилием. «Всякому свое, — говорит учитель Кропелов богачу Потрахову, —

терние и Кабанихе. Истории Кулигина, Кудряша, Варвары, Бориса разрушали традиционное единство действия и вместе с тем превращали семейную драму в социальную, в обобщение нравов и устоев всего «темного царства».

Удивительно просты его пьесы. Нет в них ни особого подтекста, ни психологической усложненности. Драматург не интригует зрителя загадками характеров или сложными тайнами своих героев. Более того, как правило, не приходится читать Островского или присутствуя на спектаклях по пьесам его, долго оставаться в неведении о том, положителен или отрицателен характер героя. При такой простоте создания образов задача актеров чрезвычайно сложна: предстоит выявлять характеры уже объявленные, пороки уже открытые, подтверждать, углублять, психологически мотивировать известное зрителю со слов других персонажей.

От такой задачи происходит и другая — специфическая для театра Островского. Драматург требовал от исполнителей своих пьес полного перевоплощения, полной психологической и внешней достоверности, требовал раскрывать роль «ясно и сильно». Начиная с интонации голоса и кончая цветом одежды, все должно гармонично объединяться в одном образе. Думается, требованию драматурга нельзя пренебрегать и в наши дни при постановке его пьес. Условность, обязательная для театра и драматургии, применительно к Островскому должна быть сведена до минимума.

«Лабедина песня» А. Н. Островского — «Снегурочка». В ней драматург раскрыл свои самые заветные мечты о гармоническом человеке и гармоническом обществе. Страна Берендеев, где развивается действие пьесы, не случайно имеет своеобразный герб-символ — солнце. Она «жиром красна», свободным трудом прославлена.

В 1900 году А. М. Горький писал А. П. Чехову: «Снегурочка» — это событие. Я, знаете, преисполнен какой-то радости от «Снегурочки»... Точно в живой воде выкупался. Именно радость, желание стать лучше, добрее, посмотреть на окружающий мир глазами гуманиста вызывает произведение — гимн труду, любви, подвигу, верности. Жизнеутверждающая «Снегурочка», зовущая людей освободиться от «стужи» эгоизма сердца, остается одним из самых гуманистических и поэтических произведений нашей литературы, ее бессмертного золотого фонда.

Бессмертно и все литературное наследие А. Н. Островского, создавшего не только репертуар (50 пьес!), но и школу актерского мастерства для русского театра, но и школу человечности, высоких нравственных требований красоты и правды».

А. РУБАНОВИЧ,
доцент Иркутского госуниверситета.

ПЕРВЫЕ СПЕКТАКЛИ

Произведения А. Н. Островского начали ставиться в Иркутске почти одновременно со столицами. В этом большая заслуга Иркутских губернских ведомостей (редактор — петрашевец Н. А. Спешнев), которые предъявляли серьезные требования к репертуару, боролись за реалистическую драматургию. Под влиянием политических ссыльных в 50-е годы на иркутской сцене были показаны «Свои люди — сочтемся», «Не в свои сани не садись» и другие пьесы, написанные Островским к этому времени.

Примечательна сценическая история первой комедии. Пьеса «Свои люди — сочтемся» (первоначальное название — «Банкрот») была напечатана в журнале «Москвитин» еще в 1850 г., но к исполнению на сцене запрещена вплоть до декабря 1860 г., только 16 января 1861 г. она была поставлена в Александринском, а 31 января того же года — в Малом театре. Но иркутский театр обошел цензурное запрещение и первым в России показал комедию в 1857 г., намного опередив обе столицы.

Верхоленский купец Краузе в 1864 г. оборудовал при гостинице зрительный зал и до 1873 г. содержал там труппу. В этом театре были поставлены «Гроза» (хорошо играла Катерину артистка Терци), «Доходное место», «Бедность не порок», «Воспитанница». Хотя пьесы Островского не нуждались

в рекламе, Краузе, чтобы заманить в театр обывателей, прибегал к самым дешевым приемам. На афише о спектакле «Бедность не порок» каждой сцене было дано интригующее название: «Медведь, козел и патака», «Борода из паки», «Речи слаще меда», «В лисьей шубке милая голубка». На полке театрального зала было написано имя Островского.

Иркутская печать подчеркивала живучесть типов Островского. Газета «Сибирь» (1877 г.) называла Юсова в «Доходном месте» типом, «донные цветущим в наших палестинах», и была недовольна тем, что в спектакле пропали энергичные монологи Жадова. А в рецензии на «Грозу» утверждалось, что дикое и кабаньи до сих пор есть в Иркутске и поэтому классическая драма остается понятной зрителям (там же, 1882 г.).

В 1882—1884 годах в Иркутске играла Е. Н. Горева, жена известного артиста Малого театра. Исполнение ею роли Катерины («Гроза») печать сравнивала с образом, созданным знаменитой Г. Н. Федотовой. Несколько сезонов работала в Иркутске П. А. Мартынов, сын выдающегося актера Александринского театра, друга Островского.

В Иркутской библиотеке сохранился экземпляр пьесы «Грех да беда на кого не живет» с дарственной надписью автора Васильева.

А. ИВАНОВ.

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

ЗА 122 ГОДА СУЩЕСТВОВАНИЯ ДРАМАТЕАТРА В ИРКУТСКЕ НА СЦЕНЕ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ БЫЛО ПОСТАВЛЕНО ОКОЛО 25 ПЬЕС ВЕЛИКОГО ДРАМАТУРГА.

Многие пьесы Островского шли в Иркутском театре имени Н. П. Охлопкова по 3—4 раза. Например, комедия «Лес» впервые была поставлена в 1876 году, затем — в 1932 и 1949. Пьесу «На всякого мудреца довольно простоты» иркутский зритель увидел в первый раз в 1878 году, затем в 1937 и в 1968 году снова, ставится эта вещь. Трижды повторялись «Последняя жертва», «Волки и овцы», «Без вины виноватые».

Впервые после революции пьеса Островского «КРАСАВЕЦ МУЖЧИНА» БЫЛА ОСУЩЕСТВЛЕНА В НАШЕМ ИРКУТСКОМ ТЕАТРЕ В 1943 ГОДУ.

В августе 1944 года вышел приказ Управления по делам искусств при Совнаркоме, подводящий итоги смотря по театрам РСФСР. В приказе отмечено семь спектаклей и среди них работа Иркутского театра спектакль «Последняя жертва». Три исполнителя отмечены в приказе: Г. А. Крамова, ныне нар. арт. РСФСР (за роль Тугиной), Е. Е. Баранова (за роль Глафиры Фирсовны) и С. И. Прокофьев (за роль Прибыткова).

150-летию юбилею Островского драмтеатр посвящает свою последнюю работу сезона — спектакль по пьесе «Бешеные деньги» в постановке режиссера В. Л. Чертова. Премьера его приурочена к 103-й годовщине первой постановки этой пьесы в Петербурге. В спектакле заняты засл. арт. РСФСР А. Рыбакова, В. Венгер, В. Егуннов, а также Л. Добрнрадова, Г. Карпел, В. Бантин, В. Сидорченко, Л. Нарожная, А. Медвинский.

К юбилейным дням драматического театра подготовил фотовыставку, посвященную истории постановок пьес А. Островского на иркутской сцене. Здесь помещены ставшие уже историей фотографии спектаклей «Поздняя любовь», «Бешеные деньги», «Беспреданница» и последующих постановок. Всего представлено 13 спектаклей. На выставке можно увидеть афиши многих пьес и ознакомиться с полным списком спектаклей, идущих в театре.

МЫ У НЕГО УЧИЛИСЬ ЖИТЬ

Нам, советским актрисам старшего поколения, выпало счастье, именно счастье играть во многих пьесах Островского. Лично мне повезло сыграть в десяти его пьесах. Десять разных женщин, разных судеб, разных индивидуальностей. Островскому была дорога и интересна судьба женщины. Чаще всего героини его выражали основную его мысль: так жить нельзя!

Чудесную, гордую девушку Ларису Огудалову (недаром по-гречески Лариса — «гордость») богатые купцы разыгрывают в «орлянку» кому из них выпадет жребий не жениться на ней, нет, ведь она беспреданница, а просто взять на содержание, а потом бросить или передать другому. И у Островского бьетса мысль: так жить нельзя!

А Катерина в «Грозе»! Молодая, чистая, свежая фантазерка (котчего люди не летают!) гибнет в душном мире кабановых и диких. Нет! Так жить нельзя!

Или Юлия Павловна Тугина из «Последней жертвы». Самая любимая моя роль. Люблящая ее за большую, всепоглощающую любовь. Любовь с большой буквы. И эта любовь ее была безжалостно, жестоко растоптана. Нет! Так жить нельзя!

А конец первого действия пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Это страшный конец. Анна Тихоновна Крутицкая идет со своей племянницей Настенькой собирать на приданое по купеческим лавкам и магазинам. Идет на страшное испытание — хохот купчиков и улюлюканье приказчиков. О нет! Так жить нельзя! — опять бьетса мысль Островского.

Великим драматургом был Островский. А какой язык у него! Тургенев сказал: «Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него». Горький назвал Островского «чародеем языка». Да! Островского не пробормочешь на сцене. Вот уж кто была мастерица играть Островского — это Екатерина Евгеньевна Баранова. Говорит, как жемчуг нанизывает. Играла ли с ней или стоишь за кулисами и слушаешь ее — одно наслаждение.

Островского надо играть и играть. Просто необходимо, чтобы пьесы нашего родного Островского были всегда в репертуаре театра, а не ставились только к юбилейным датам.

Г. А. КРАМОВА,
народная артистка РСФСР.

Не любить его невозможно

Драматургия Островского — это целая энциклопедия русской жизни второй половины прошлого века. В своих произведениях он блещет знанием быта, каждый образ наделен своим индивидуальным обликом. А какой язык! Какая красота диалога! Какая сочность и образность речи! Как неподражаемо он лепит характер каждого героя, наделяя его большой глубиной чувств и богатым юмором!

Исполняя роли в пьесах Островского, артист, независимо от возраста, получает величайшее удовольствие. Это же целая школа. На долю артиста выпадают немалые трудности — ведь только он должен донести до зрителя идеи и образы автора, замысел режиссера, только артист способен взволновать зрителя, заставить его плакать и смеяться, пережить самые благородные чувства.

За свою более чем полувековую жизнь в театре мне пришлось играть немало ролей в пьесах Островского: Несча-

стливец, Паратов, Барбошев, Стыров, вн. Ворытинский, Нароков... Трудно сказать, какую роль я больше всего любил. По-моему, в произведениях Островского каждая роль, будь она маленькой или объемистой, своего рода — шедевр, неудачающее богатство и красота, неуемная энергия.

С большим волнением и любовью играл я роль Несчастливец в «Лесе», человека с чистой и чуткой душой, человека большой воли и большого чувства, поборника справедливости, до самозабвения любящего людей и театр, готового ради него на жертвы и лишения. Любил я и роль Нарокова в «Талантах и поклонниках», человека-энтузиаста, беспредельно любящего искусство, артистов, театр.

Память о великом драматурге Островском никогда не померкнет в сердцах настоящих артистов.

К. ЮРЕНЕВ,
актер Иркутского драматического театра.

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

ря на сложности, невзгоды и утраты, была наполнена каждой дневной борьбой за «красоту и правду» в искусстве, в обществе, в человеке. Именно потому писатель не был одинок. Его произведения приветствовала передовая Россия, его талант по достоинству оценили Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. У Островского, наконец, был свой второй дом — Малый театр, для которого он преимущественно писал. Артисты Малого театра составляли близкий дружеский круг драматурга. Всегда деятельный, простой и деликатный, он особенно отзывчиво относился к актерам. Их трудная, а порой и трагическая судьба не случайно являлась содержанием многих пьес Островского. Заботясь об интересах театра, он стал инициатором «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов», приложил немало усилий к созданию курсов для профессионального образования артистической молодежи.

Произведения Островского выходили за рамки просветительства, нравственного самосовершенствования и объективно служили делу революционного преобразования общества. Драматург обнажал корни купеческой, чиновничьей, дворянской морали, всегда связывая психологические, бытовые явления с социальными. Именно поэтому он не мог ограничиться изображением одной семейной драмы в «Грозе» и включил ее в целую систему конфликтов, прямых отношений не имеющих к Ка-

нам ум, а тебе деньги. И нам люди ходят ума занять, а к тебе денег» («Трудовая хлеб»). Ум и «бешеные деньги», истинная ценность человека и ценность, обусловленная стоимостью его «движимого» — два непримиримых принципа неизменно вызывают борьбу, движение сюжета в пьесах Островского. Студент Мелузов заявляет влиятельному чиновнику Бакину: «У нас с вами дуэль, постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещаю, а вы развращаете». Следуя правде жизни, драматург показывает, как правило, физическую победу богатых бездельников и самодуров, но духовная высота, поэзия за теми, кто убежден: «Честнее труда ничего нет на свете». Произведения Островского такого рода буквально высвечены любимой мыслью его о светлом солнечном начале в человеке, мыслью о противоестественности всяческого насилия.

Совершенно иное частрое свое свойственно комедиям Островского, раскрывающим конфликт внутри самой «золотой стани». Здесь более пронзительный молниеносный победает менее пронзительное («Свои люди — сочтемся», «Волки и овцы»). В таких пьесах ничто не освещает беспроблемный мрак кондов купеческих особняков и последствий дворянских поместий.

Каждая пьеса Островского, проникнутая болью, тревогой за человека, была вызовом «высокопоставленным» зрителям, занимавшим кресла в первых рядах партера, и изгаждалась бурными аплодис-